

РАДИМ
ПАНОВ

цикл «ТАЙНЫЙ ГОРОД»

ВОЙНЫ НАЧИНАЮТ НЕУДАЧНИКИ

КОМАНДОР ВОЙНЫ

АТАКА ПО ПРАВИЛАМ

ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО

И В АДУ ЕСТЬ ГЕРОИ

НАЛОЖНИЦЫ НЕНАВИСТИ

КУКОЛКА ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ

ТЕНЬ ИНКВИЗИТОРА

КАФЕДРА СТРАННИКОВ

ПРАВИЛА КРОВИ

КОРОЛЕВСКИЙ КРЕСТ

ЦАРЬ ГОРЫ

ДЕНЬ ДРАКОНА

ЗАПАХ СТРАХА

РЕБУС ГАЛЛА

ОФИЦИАЛЬНАЯ СТРАНИЦА
«ТАЙНОГО ГОРОДА» В ИНТЕРНЕТЕ:
WWW.T-GRAD.COM

цикл «АНКЛАВЫ»

МОСКОВСКИЙ КЛУБ

ПОВОДЫРИ НА РАСПУТЬЕ

КОСТРЫ НА АЛТАРЯХ

цикл «LA MYSTIQUE DE MOSCOU»

ТАГАНСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МЕХАНИКА

РУЧНОЙ ПРИВОД

**ВАДИМ *
ПАНОВ**

**РУЧНОЙ
ПРИВОД**

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Дизайн переплета разработан студией
Артемия Лебедева

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *Руслана Баранукаса*

Панов, Вадим Юрьевич.

П16 Ручной Привод / Вадим Панов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Вадим Панов).

ISBN 978-5-04-089392-8

Он существует с незапамятных времен, а может, и дольше. Он нем знает вся Вселенная, но видели его единицы. Он редко включается, но с его работой всякий раз связана судьба человеческой души — «искры». Никто не знает, почему он называется Ручным Приводом. Но именно здесь, посреди ничего не подозревающей Москвы, определяется ход вечной борьбы двух Царств за «искры». Только отсюда можно выйти на связь с тем, кто порождает человеческие души. И именно сюда Царства присылают своих комендантов, попеременно управляющих Ручным Приводом. Но, даже получив Силу и Вечность, человек не способен отречься от своего прошлого, а потому и на Земле, и во Вселенной кипят страсти, совершаются благородные и подлые деяния — и за всем этим следит Ручной Привод. А за ним приглядывают коменданты, в обязанности которых входит еще и наказание тех, кто возомнил себя равным Богу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089392-8

© Панов В. Ю., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Смысл всякой деятельности лежит за ее пределами.
Человек взял в руку стакан воды и сделал глоток.
Может быть, он хотел пить.
Может быть, он хотел запить лекарство.
А может быть, хотел попробовать воду на вкус.
Мы не можем судить об этом, если не знаем, что было до глотка и что после. Чтобы понять смысл деятельности, нужно выйти за ее пределы. Внутри ее мы можем понять только смысл ее отдельных частей.
Смысл всякой деятельности лежит за ее пределами.
И смысл жизни — вне ее пределов.

В.К. Тарасов. «Книга для героев»

ПРОЛОГ

— **К**ончай мухлевать, брат Бандера!

— Обломись, брат Бизон, я играю как обычно!

— Обычно ты два одинаковых туза из рукава не тянешь!

— Трефового еще не было!

Партию два лоботряса разыгрывали в морге, с ногами забравшись на анатомический стол и азартно хлопая по гладкой металлической поверхности изрядно потрепанными картами. Деньги — кучка мятых купюр — валялись тут же, придавленные бутылкой пива, к которой по очереди прикладывались парни. Записи, в силу простоты правил, не вели. Партия шла с переменным успехом, напрямую зависящим от личности сдающего, а потому периодически прерывалась недовольными воплями временно проигрывающей стороны.

— Был трефовый туз! У меня был!

— Врешь!

— Он вышел уже!

— Какой же дурак туза сбрасывает, брат Бизон?

— Он мне мешал!

— Тебе дурь твоя мешает!

— А теперь, уважаемые харьковчане и харьковчанки, прослушаем программу «В научный полдень», — хрипло произнес висящий на стене репродуктор. — В прошлый раз мы остановились на том, что современные принципы космического полета, основанные на инверсии торсионных пирамид внутри гипотетического шара, были изложены еще в работе Архимеда Помпейского «Классическое финикийское движение в вопросах и ответах»...

Бандера вытащил из кармана джинсов нераспечатанную колоду карт и ловко метнул ее в осмелившийся заголосить приемник. Тот обиженно закашлял, и передача оборвалась.

— Все равно ты шулер, брат Бандера!

— А ты кретин, брат Бизон!

Длинную стену морга занимал холодильник, прямоугольные дверцы которого высокомерно поблескивали в белом электрическом свете. Пятнадцать индивидуальных ячеек, расположенных в три ряда, и на каждой дверце — черная пластиковая коробочка электронного табло, на которой приятным зеленым цветом сообщалось о комфортной внутренней температуре. Пять столов, гладких и блестящих. Помимо них — пара каталок в углу, пара металлических стульев и столики для инструментов. Одним словом, самый обыкновенный морг. Тем не менее существовала одна деталь, стабильно вызывающая удивление у впервые попавших в помещение людей. Деталь эта располагалась в углу и являла собой причудливую конструкцию, напоминающую сюрреалистическую помесь парового двигателя и самогонного аппарата. В основании устройства сплетались десятки медных трубочек, часть которых почему-то уходила в пол, а рядом стеклянные и металлические колбы, шестеренки, ременные передачи и тумблеры. Венчал же агрегат небольшой котел, из клапана которого изредка вырывалась тоненькая струйка пара.

Управлял хитроумным механизмом усатый мужчина лет пятидесяти на вид, одетый в рабочую спецовку когда-то бордового цвета. Поминутно изучая показания установленных на лицевой стороне машины термометров и манометров, мужчина то принимался подкручивать гаечки, прячущиеся в недрах агрегата, то переставлял в иные положения рычаги, а однажды добавил масло в какой-то узел, чем вызвал благодарное шипение насоса и дружелюбное бульканье в котле.

Одним словом, механик был по-настоящему занят, однако скандал заставил его отвлечься от конструкции:

— Вы можете играть тихо?

— Можем, — немедленно отозвался Бандера. — А зачем?

Картежники походили друг на друга исключительно поведением, длинными волосами и манерой одеваться. Оба предпочитали высокие баскетбольные кроссовки, широкие джинсы и запоминающиеся футболки: на груди Бандеры красовался шитый золотом неприличный жест, Бизон же остановил выбор на фразе: «Запустим вручную!» В остальном, несмотря на обращение «брат», ничего родственного в парнях не наблюдалось. Пухлый светловолосый Бандера был высок, широкоплеч и вял жестами. Волосы он вязал в хвост, а на округлом лице навсегда застыло выражение: «Как же вы меня достали». Низенький Бизон, напротив, был чересчур подвижен, если не сказать — суетлив. Казалось, он пребывал в постоянном движении, и взгляд его наглых синих глаз редко задерживался на чем-то дольше пяти секунд.

— Вы мешаєте! — продолжил механик. — Орете громко.

— Инкубатор еще сильнее тарыхтит, — заметил Бизон.

— Вы мешаєте мне, а не машине!

— Беруши вставь! — нахально предложил Бандера.

— Я тебе сейчас вставлю!

— Брат Черепаныч, прикинь, мы тут выяснили, Бан-

дера — шулер! — Бизон попытался перевести разговор в другое русло. — Будешь свидетелем?

— Вы меня достали!

— Ты сам шулер!

— А ты меня за руку ловил?

— Я и так знаю!

— Обоих выгоню!

— В подвале у себя командовать будешь!

Ответить разозленный механик не успел. Скрипнула входная дверь, и в морг шагнул невысокий худощавый мужчина, одетый в растянутый серый свитер, весьма потертые голубые джинсы и выдавшие виды кроссовки. Услышав последнюю фразу, мужчина даже голову не повернул в сторону картежников, но безразличным тоном, каким бросают ничего не значащие замечания о погоде, произнес:

— Черепанычу мешать не надо.

Слова прозвучали приказом.

Удовлетворенный механик вернулся к машине, а парни сползли со стола и замерли, почтительно уставившись на пришельца.

На совершенно непримечательного пришельца.

Внешность мужчины была столь же невзрачна, как и одежда. Лицо узкое, с резкими чертами, напоминало птичьё. Серые, словно подобранные в тон свитеру, глаза. Черные с проседью волосы, прямые и мягкие, неспособные надолго улечься в причёску. Тонкая горизонтальная полоска — рот. Тонкая вертикальная полоска — нос. И лишь с правой стороны шеи, бросая вызов обыденной внешности, чернела татуировка: простой крест, обрамленный идущей овалом надписью. При желании, подойдя совсем близко, можно было разобрать слова: «Caelum, non animum mutant, cui trans mare current»¹.

¹ Небо, а не душу меняют бегущие за море (лат.).

Отпустив замечание, мужчина сделал еще пару шагов к механику, но затем остановился, повернулся к замершим картежникам и вопросительно поднял брови. В ответ Бандера слотнул и очень вежливо сообщил:

— Мы просто разговаривали.

Бизон, который непостижимым образом успел прибрать со стола и спрятать деньги, карты и бутылку, присоединился к приятелю:

— Мы немного вспылили, но никого обидеть не хотели. А уж Черепанычу мешать — тем более. Вы ведь нас знаете, Карбид.

— В том-то и дело, что знаю, — хмыкнул мужчина.

Устройство оглушительно свистнуло и принялось пыхтеть с удвоенной энергией. Карбид посмотрел на часы, затем снова перевел взгляд на картежников.

— Какого черта явились?

— Заняли места в зрительном зале, — с приятной улыбкой ответил Бизон.

— Ждем, — добавил Бандера. — Такое шоу не каждый день показывают.

— Мы ведь всегда, везде, всем постоянно помогаем, — напомнил Бизон. — И с Инкубатором тоже. Ящик выдвинем, чтобы вам лично не возиться и руки не пачкать. С приездом поздравим. А то и реанимацию сделаем, ежели чего, вы ведь знаете — мы умеем.

— Хотел бы я посмотреть, как вы будете делать реанимацию, — хмыкнул Карбид.

— Только скажите на ком! — заулыбался Бизон, сообразив, что выгонять их невзрачный не собирается. — Хотите, я брата Бандеру реанимирую? Он все равно шулер, так что не жалко.

— Ты сам шулер!

Карбид приподнял левую бровь, и парни мгновенно умолкли.

— Сидите тихо, делайте что велят.

— Есть!

— Будет исполнено!

Бизон выудил из-под стола пару брезентовых рукавиц и натянул их. Бандера последовал его примеру.

Карбид покачал головой, дошел наконец до пыхтящего устройства и осведомился:

— Как дела, Черепаныч?

— Агрегат работает штатно, — доложил тот, поглядывая на манометр. — Тридцать секунд. Отсчет пошел.

Вопреки ожиданию, ЭТО не походило на падение. Но не было и полетом. Самое интересное, что ЭТО напоминало восхождение. Именно восхождение.

Виктор давно впитал в себя ощущение полета, сроднился с ним, полюбил. Как и ощущение почти мгновенного перемещения в пространстве, позволяющего дотянуться до любой звезды. Расстояние, как и время, потеряло смысл, осталось в прошлом, но ЭТО заставило вспомнить о них. Пробудило забытые воспоминания.

Расстояние и время.

Некогда, еще в прошлой жизни, Виктору довелось взбираться на высокую, считающуюся неприступной гору, имея в качестве снаряжения лишь посох, моток веревки да неукротимое желание достичь вершины. Наверное, именно оно, желание, и позволило ему достичь цели. Ободрать лицо и руки, сломать ребро, но подняться наверх. И теперь, переживая то ли полет, то ли падение, Виктор неожиданно вспомнил то давнее восхождение. Вспомнил, как легко и непринужденно начиналось путешествие и как тяжело заканчивалось. С каким трудом давались ему последние шаги к вершине, последние метры, сантиметры... Вспомнил, как верил сначала в свои силы, а потом — в свое упрямство. Потому что в какой-то момент вперед его повели не подгибающиеся ноги, а стиснутые зубы.

Усилия и Упрямства, вот чего требовало от Виктора ЭТО.

Падение, сменившееся восхождением. Легкая прогулка, превратившаяся в испытание.

Необычно.

Восхитительно.

Виктор наслаждался каждым мгновением.

Наслаждался до тех пор, пока не пришла боль.

В первую секунду он растерялся.

И даже запаниковал.

Боль?!?

Откуда боль?!?

Виктор едва не повернул назад, едва не прервал восхождение, потребовавшее от него невероятных для последнего времени усилий. Он понял, что отвык стараться, отвык рвать жилы. Он едва не сдался. Но справился. Выдержал волну необъяснимой, непонятной, в принципе бессмысленной боли и в следующий миг понял, что это была не боль.

Не физическая боль. Ведь ей неоткуда было взяться.

Виктор понял, что теряет силу и вечность. Теряет сбывшуюся мечту. Сила и вечность, ставшие его сутью, уходили и на прощание дарили боль. Не физическую, но от того не менее страшную. Свободная «искра» противилась приближающейся тюрьме, инстинктивно сопротивлялась, скручивалась в жгут, пыталась вырваться, уйти. Хотела оказаться как можно дальше от вершины, на которую, падая, взбирался Виктор. «Искра» не хотела терять силу, даже часть ее. «Искра» не хотела расставаться с вечностью. «Искра» хотела быть сейчас и всегда. Звала назад.

Повернуть?

До вершины близко.

Или до дна пропасти?

Я падаю или поднимаюсь? Что я? Как я? Кем стану

я, из Вечности вернувшийся в Мгновение? Из сейчас во вчера? Кем стану я?

Зачем я делаю это? Стоит ли падающее восхождение моих мучений?

«Искра» по имени Виктор не знала ответа на эти вопросы, и поэтому ей было страшно. «Искра» звала назад.

А Виктор, бывший «искрой», рвался вперед. К ответам на вопросы. К поиску. К жизни. Виктор, бывший «искрой», неожиданно понял, что теперь у него снова будет завтра, а не бесконечное сейчас. Дно, на которое он падал, вершина, на которую он взбирался... цель... вопрос поставлен просто: сейчас или завтра?

«Да», — прошептал Виктор, оставляя позади силу и вечность.

И закричал, потому что распахнул глаза.

А люди всегда кричат, когда впервые видят свет.

Бульканье в главном котле Инкубатора достигло апогея. Звук превратился в непрерывный шум, разноцветные жидкости в прозрачных колбах кипели, а стрелка манометра ушла далеко вправо. Стоящий посреди помещения Карбид не спускал глаз с гремящей машины. Руки в карманах, плечи опущены, взгляд напряжен. Лохматые замерли у одного из холодильников: Бандера — держась за ручку, Бизон — в предвкушении потирая защищенные рукавицами руки. Ждут сигнала. Даже Черепаных перестал суетиться, остановился у лицевой панели и что-то бормотал, глядя на манометр.

— Двадцать шесть, — прошептал Бизон. — Двадцать семь...

Моргнула и лопнула одна из ламп белого света. Осколочки стекла посыпались на пол. Сразу после этого открылась дверь, и в морг вошел седой старик в траурном черном костюме и черной же рубашке. У его ног чинно вышагивал упитанный енот.

— Двадцать восемь...

Завибрировал здоровенный холодильник, показалось, даже поехал вперед, на лохматых, но только показалось — крепко прикрученный длинными болтами, он мог отправиться в путешествие только в компании несущей стены. Енот, обдумав происходящее, счел за благо укрыться под столом. Старик в черном, также проявив осторожность, остановился у самой двери.

— Двадцать девять...

Черепаныч, внимательно прислушивавшийся к издаваемому Инкубатором звуку, резко потянул на себя один из рычагов и рявкнул:

— Давай!

Клапан котла выплюнул особенно длинную струю пара, оставившую на потолке мокрый круг. Карбид глубоко вздохнул. Бандера рывком распахнул дверцу холодильника, Бизон схватился за ручки и молниеносно выдернул на свет его содержимое — прозрачный цилиндр красного стекла, венчаемый с двух сторон медными «подстаканниками», опутанными сетью медных же трубочек.

— Есть!

Внутри цилиндра, из которого медленно вытекал вязкий гель, корчился в конвульсиях обнаженный мужчина.

— Орет, — удовлетворенно пробормотал Бандера. — Значит, живой.

Толстые стенки цилиндра не пропускали звуки, однако мимика мужчины не оставляла сомнений в том, что он заходится в крике.

Енот вперевалочку подобрался к цилиндру, встал на задние лапы и стал с интересом изучать пришельца. Старик в черном подумал и тоже подошел ближе.

— В крике и в страданиях, — пробормотал Бизон, разглядывая мужчину, — приходим мы в этот мир.

Рот перекошен, глаза широко распахнуты, но взгляд

невидящий. Безумный взгляд. Полный боли и тоски. Скрюченные пальцы царапают стекло, коленки бьют в гладкие стенки цилиндра.

— Операция прошла штатно, господин комендант, — официальным тоном доложил Черепаныч, отключая устройство. — Жидкость удалена. Напряжение отключено.

— Хорошая работа, — кивнул Карбид.

— Спасибо.

Пар больше не вырывался из котла, стрелка манометра медленно, но целеустремленно тащилась влево, ременные передачи крутились все тише и тише. Машина успокаивалась.

Тем временем Бизон, вооружившись внушительных размеров гаечным ключом, споро отвернул один из медных «подстаканников» цилиндра и резко выдвинул внутренний «поднос» с мужчиной. Слишком резко: продолжавший корчиться от боли мужчина потерял равновесие, упал на пол и закричал еще сильнее.

Енот порскнул к Инкубатору. Старик в черном потер переносицу. Карбид поморщился.

— Осторожнее, — прикрикнул Черепаныч. И бросил Бизону заранее приготовленную простыню.

Карбид достал пачку сигарет, щелчком выбил одну и закурил, невозмутимо глядя на происходящее.

— Господин старший помощник, как вы себя чувствуете? — заботливо поинтересовался Бандера, склоняясь к кричащему мужчине. — Господин старший помощник, вы говорить можете?

— Это вообще вы, господин старший помощник? — осведомился Бизон.

— А кто еще? — презрительно спросил Бандера.

— Ну, мало ли? Вдруг по ошибке чужая «искра» прилетела? — Бизон потрогал мужчину за плечо: — Господин старший помощник, вы пароль помните?

— Какой еще пароль? — недоуменно спросил Бандера.

— Не мешай! Я его на понт беру.

— Дубина ты, брат Бизон.

— На себя посмотри, брат Бандера.

Мужчина неуверенно поднялся на ноги, мутным взором оглядел старика в черном, Бизона, Бандеру, Черепаныча и наконец сфокусировал взгляд на Карбиде.

— Гкх... кх...

— Что вы сказали, господин старший помощник? — уточнил Бандера. — Вам холодно?

Вынырнувший откуда-то енот попытался потянуть за простыню, но был отогнан Бизоном.

— Как вы себя чувствуете, господин старший помощник?

— Гкх...

Мужчина оттолкнул поддерживающего его Бизона и неуверенным жестом расправил плечи, пытаясь принять горделивую позу. В сочетании с едва прикрывающей тело простыней и остатками геля на теле попытка выглядела комичной, однако присутствующие остались серьезны.

— Гкх... меня... гкх... Меня зовут... Виктор. Это значит — Победитель.

Слова давались мужчине с большим трудом, но он старался.

— Победитель, ясно, — негромко повторил Карбид. — Все ясно. А я — Герман, победитель. — Он выдохнул облако дыма, а потом вдруг лукаво прищурился, словно вспомнив какую-то шутку, и с улыбкой произнес: — Поздравляю с возвращением на Землю, Яшень.